

Внутриличностный ценностный конфликт как столкновение между ценностными ориентациями, ценностными стереотипами и ценностными идеалами

Внутриличностный ценностный конфликт – это сложное и многоуровневое явление. Его проявления, содержание и динамика, многообразные способы разрешения зависят от множества факторов: от ценностей, которые вступают в борьбу, от их значимости и расположения в структуре личности, от степени осознания субъектом проявлений конфликта, от жизненных условий и т.д. Попытка создания общей классификации видов внутриличностного ценностного конфликта потребовала введения понятий, расширяющих представления о личностных ценностях, вступающих в конфликт: это ценностные ориентации (ЦО) – элементы сознания личности, в которых отражаются стратегические жизненные цели и общие мировоззренческие ориентиры (Яницкий, 2000); ценностные стереотипы (ЦС) – ожидания, предъявляемые личности теми или иными социальными группами или обществом в целом (Леонтьев Д.А., 1996); ценностные идеалы (ЦИ) – конечные ориентиры развития ценностей личности в ее представлении (Леонтьев Д.А., 1998; Яценко, 1997).

Опираясь на исследования В.Ф. Анурина (1982), А.В. Битуевой (2000), С.С. Бубновой (1999), И.А. Николаевой (2005), М.С. Яницкого (2000) и др., отметим, что ЦО, ЦС и ЦИ могут неполно осознаваться и отражаться в сознании человека, а также смешиваться, создавая разногласие между декларируемыми и реально побуждающими ценностями, – это затрудняет адекватную рефлексию человеком собственных целей, потребностей и может приводить к внутриличностному ценностному противоречию и конфликту. Вслед за Д.А. Леонтьевым (1996) выделим несколько причин возможных расхождений между ЦО, ЦС и ЦИ:

- Когнитивная – в силу недостаточно устоявшейся и структурированной системы личностных ценностей и/или недостаточно развитой рефлексии человек может слабо отдавать себе отчет в реальной роли или значимости тех или иных ценностей в его жизни.

- Психодинамическая – значимость ценностей может субъективно преувеличиваться/преуменьшаться благодаря действию механизмов стабилизации самооценки и психологической защиты.

– Полифоническая – в сознании человека присутствуют ценности, не всегда принимаемые им в качестве собственных жизненных целей или принципов.

На рисунке 1 изображена схема взаимоотношений между ЦО, ЦС и ЦИ и основные области их пересечения. Как следует из схемы, возможны следующие виды внутриличностного ценностного конфликта: 1) конфликт между ценностными ориентациями и ценностными стереотипами (ЦО–ЦС): он является перенесенным во внутренний план личности из мира социальных отношений и представляет собой интериоризированную версию конфликта, возникающего между личностью и обществом в том случае, когда ценностные представления личности отличаются от норм и предписаний общества, в котором она живет; 2) конфликт между ценностными идеалами и ценностными стереотипами (ЦИ–ЦС): он состоит в подмене собственных идеалов нормами и предписаниями социальной роли, которая позволяет человеку быть успешным в значимой группе; 3) конфликт между ценностными ориентациями и ценностными идеалами (ЦО–ЦИ): он протекает в основном на неосознаваемом уровне и является одним из самых сложных, так как затрагивает глубинные структуры, являющиеся важнейшей составляющей существования личности в мире.

Рис. 1. Взаимоотношения между ценностными ориентирами (ЦО), ценностными стереотипами (ЦС) и ценностными идеалами (ЦИ) (стрелками указаны области пересечения – возможные конфликты)

Предложенные виды являются, насколько нам известно, первой попыткой классификации внутриличностного ценностного конфликта и не отражают всего многообразия комбинаций взаимодействующих сторон. Они представляют собой результат теоретического обобщения и, следовательно, не являются единственно возможными.

Первый вид – конфликт ЦО–ЦС. Можно выделить как минимум две особенности его протекания:

1) В процессе социализации личность приобщается к культурно-историческому наследию и усваивает этику коллективной среды; она активно воспроизводит социальные связи, выявляет собственные возможности и формирует условия для своего развития. Однако чем ближе личность знакомится с культурой и включается в социальные отношения, тем более личностной становится: человек получает социальную роль и статус, позицию и место в общности, и вместе с тем – систему ценностей и свод правил, которым следует соответствовать (т.к. обладает статусом, выполняет роль и т.п.). В результате личность может стать обезличенной и индивидуально пустой, но наполненной социально. Она вытесняет собственные ЦО, подменяя их ожиданиями, которые общество предъявляет к человеку.

2) Внешние требования социума стремительно сменяют друг друга и «наплывают» на личность, не позволяя ей выделить те ценности, на которые можно ориентироваться. Под влиянием социокультурных факторов ЦС насаждаются и «внедряются» в сознание человека (Л.И. Анцыферова, Н.А. Журавлева). Так, исследования М.И. Бобневой (1978) показали, что в современном обществе духовные ценности и связанные с ними потребности замещаются внешними социальными символами. Нравственные рамки сдвигаются в сторону материальных ценностей, а действия личности, ее «вещи» (автомобиль, дом, счет в банке, социальный имидж и т.д.) направляются на инструментовку социальной роли. В такой ситуации социальные проблемы «спускаются» на личностный уровень и разрешаются в индивидуальном порядке. Подобный «спуск» приводит к увеличению числа внутриличностных противоречий и конфликтов вследствие того, что значения и ценности по-разному понимаются и интерпретируются разными людьми. В то же время пространство личности становится своеобразным эпицентром ценностных разногласий, и личность оказывается ответственной за собственные решения и поступки; от ее индивидуальных особенностей, активности и рефлексивности зависит дальнейшая динамика конфликта ЦО–ЦС (конструктивный или деструктивный путь разрешения).

Одним из вариантов конструктивного разрешения конфликта ЦО–ЦС является приспособление личности к системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании (*Менегетти*, 2003). Личность обращается к социуму и участвует в процессе непрерывного творения мира, она «стремится к гармонизации, совпадению собственных интересов с интересами общества» (*Силаева*, 2001, с. 143).

Второй вид – конфликт ЦИ–ЦС. Его сложность заключается в простоте и «удобности» социальной роли: в ответ на любое действие имеются регламентированные стратегии поведения и общественно приемлемые способы реагирования. При этом за стереотипами теряется индивидуальность, и временами кажется, что за ролью нет самого человека.

Пример конфликта ЦИ–ЦС описан в работах И.С. Кона (1978, 1984) и И.Н. Михеевой (2000) – это конфликт между субстанциональным (подлинным) «Я» и «маской» (по И.С. Кону, «маска» – определенная модель, тип поведения в социуме). Человек выбирает «маску» не совсем произвольно – она компенсирует то, чего ему не хватает. Действуя в качестве адаптивного механизма, «маска» поначалу помогает приспособиться к каким-либо жизненным обстоятельствам, под ее влиянием образ поведения субъекта обретает устойчивые черты, но в дальнейшем она может оказаться сильнее не только потому, что содержит в себе определенные социальные императивы. Как психологическая сила, «маска» обуславливает реальные действия и в этом смысле становится подлинной, тогда как то, что человек считает своим истинным «Я», начинает носить иллюзорный характер.

Динамика конфликта «маски» и субстанционального «Я» может протекать следующим образом: личность контролирует сознание, исключая из него определенный опыт таким образом, что стремления, не вписывающиеся в одобряемую структуру «Я», рассогласуются. Страх потерять внутреннее равновесие и столкнуться с психологическим дискомфортом, необходимостью переосмысления имеющихся ценностей запускает защитные механизмы блокировки конфликта на бессознательном уровне и подавляет его проявления, обрекая личность на вынужденный самообман (*Михеева*, 2000). Чтобы сдерживать конфликт, человек прячется за фальшивое «Я», увеличивая пропасть между ним и подлинным «Я», делая ее более глубокой и непреодолимой. В такой ситуации отказаться от роли становится еще сложнее: «маска» не просто заменяет настоящее лицо, она дает привилегии в преодолении запретов и делает взаимоотношения между людьми более универсальными, менее индивидуальными. Однако подлинное «Я» напоминает о себе: «Изменения, накапливаемые в области бессознательного как бы подготавливают штурм «Я»,

в той или иной степени изменяя, деформируя его» (Чудновский, 2001 а, с. 160); конфликт возвращается в сознание, его проявления становятся более настойчивыми и заметными. Положить конец самообману человек может, лишь увидев свое истинное лицо, но и в этом случае неизвестно, наступит ли нравственное возрождения личности. Как замечает Ж. Делёз: «За масками есть еще маски, и самое тайное – еще один тайник, и так до бесконечности» (Делёз, 1998, с. 136).

Описываемая динамика конфликта является всего лишь одним из возможных способов объяснения происходящих изменений в структуре личности. Трансформация, возникающая во внутреннем мире, может остаться без внимания: существующий феномен «фальшивого Я» длительное время оказывается сокрытым от личности, которая переживает конфликт на бессознательном уровне. Отдавая предпочтение «Я» – реальному или прячась за «маской», человек имеет возможность находиться попеременно то в одной, то в другой ипостаси. Причем при выборе субстанционального «Я» «маска» становится фальшивой, а если предпочтение отдается «маске», ложный смысл приобретает «Я» – истинное. В результате человек может окончательно запутаться в собственной системе ценностей и вытолкнуть конфликт из сознания, – это деструктивный путь разрешения конфликта.

Конфликт ЦИ–ЦС может быть разрешен конструктивно: личность совершает осознанный и ответственный выбор в пользу собственной активности, понимая при этом, что нравственные предписания общества/социальной группы не являются единственно верными и непреложными. Она обращается к себе и принимает нежеланные стороны внутреннего «Я», «ищет правду о себе, для того, чтобы увидеть мир в правильной перспективе» (Шихи, 2005, с. 305).

Третий вид – конфликт ЦО–ЦИ может протекать тремя способами: 1) превалирование ЦО вплоть до отказа от ЦИ; 2) преобладание ЦИ при слабой представленности в сознании ЦО; 3) недостижимость ЦО при абсолютизации и недоступности ЦИ (в силу субъективных и объективных причин, например, пассивности личности, непреодолимости внешних/внутренних преград).

1) В системе ценностей отсутствуют идеальные конечные ориентиры: все, к чему стремился человек и желал достичь, расценивается как фикция, красиво созданный образ, возникший под влиянием общественных ожиданий, которых придерживаются родители, референтная группа, значимые политические и общественные деятели и т.д. Неизбежным следствием подобного столкновения ЦИ и ЦО является ситуация деvaluации чего-либо: обесценивается «Я», семья, возраст, профессия и

пр. Человек сталкивается с бессмысленностью существования и отправляется на поиски «виновника» (родственника, друга, начальника, общество), пытаясь наказать, разрушить его (Р. Мэй, В. Франкл). Подавляя свою враждебность, он приписывает ее окружающему миру, проецирует на других людей, что ведет, согласно К. Хорни (1997), к резкому росту тревоги по двум причинам: а) восприятие окружающего мира как опасного, б) восприятие себя как неспособного этой опасности противостоять. Одним из способов выхода из данного конфликта является разрушение ценностных идеалов, возвращение к той точке отсчета, с которой «всё начиналось» (шанс построить мир заново, переписать историю).

В. Франкл полагал, что человек, утративший ценностные идеалы, теряет смысл жизни: «Потерявший веру в будущее сам себе подписывал смертный приговор... он утрачивал свой духовный стержень, ломался и деградировал физически и психически» (Франкл, 2000, с. 170). К сходным выводам приходит И.А. Николаева (2005, 2006): чем больше идеализация, чем больше разрыв между ЦО и ЦИ, тем меньше личность сомневается и испытывает потребность проверить идеалы на истинность. Обнаруживая их иллюзорность, она может лишиться смысла существования и оказаться в «подвешенном состоянии». Осознавая бесцельность собственной жизни, человек попадает в глубокий экзистенциальный кризис, выбраться из которого очень сложно. Он становится совершенно конформным существом, привыкая к тому, что поступок, мысль и даже чувство, отклоняющееся от стандарта, будет иметь для него отрицательные последствия. Человек теряет способность адаптироваться к миру, утрачивает активную роль в социальном процессе и в итоге становится результативным лишь в том, что от него ожидают.

Для нахождения конструктивного выхода из этой ситуации личность должна выбрать цель, стремясь к которой она сможет опереться на себя, ибо «все, что есть у нас – это мы сами» (*Бюдженталь*, 1998 а, с. 81). Человек постигает себя, из полученного знания выносит определенное значение/смысл, которое вкладывает в мир. Он обретает веру в себя, и сам выступает смыслом и мерой ценности.

2) В системе ценностей преобладают ЦИ: человек предается мечтаньям и переносится в будущее; не имея возможности оставаться собой и сохранять свою позицию как ценностную при резких изменениях действительности, он оказывается не в состоянии адекватно осмысливать мир. Подобное «погружение» в мир фантазий и отрыв от настоящего, бездеятельность и пассивность приводят к дополнительным и нежелательным эмоциональным, физическим, материальным, временным и другим за-

тратам и не способствуют конструктивному выходу из конфликта (Мэй, 2001; Ялом, 1999 и др.).

На наш взгляд, одним из конструктивных выходов из конфликта ЦО–ЦИ может явиться воплощение и реализация идеалов: человек прикладывает усилия и проявляет активность; он выходит за рамки существующих возможностей, превосходит самого себя и, как полагает Б.С. Братусь, «возрастает настолько, что отбрасывается, «снимается» как отслужившее, усвоенное» (Братусь, 1997, с. 12). То есть на определенном этапе личность перерастает себя, устремляясь к новому уровню развития. Посредством движения через вызывающий беспомощность и тревогу опыт она самореализуется, расширяет сферу своей деятельности, сознания, обретает свободу, становится более ответственной.

3) Человек, переживающий этот вариант конфликта ЦО–ЦИ, испытывает недовольство своей внутренней значимостью и ощущает скуку. Его включенность в социальные структуры формальна и не отвечает ни его намерениям, ни общественным ценностям. Такая «неприсвоенность» культурно–исторических детерминант поведения и деятельности, а также отсутствие полноты самовыражения приводит к снижению удовлетворенности и обесцениванию жизни. Человек выключается из социокультурного пространства, превращается в пассивного наблюдателя, — он боится обнаружить ценности, которые поставят под сомнение его систему мировосприятия и вызовут угрозу его существованию. В итоге личность инстинктивно уходит от проблем смысла жизни, оставаясь при этом пассивной и полагаясь на волю случая.

Таким образом, третий вид конфликта ЦО–ЦИ затрагивает ведущие ценности личности, которые, столкнувшись с данностями бытия, могут потерять свою значимость: человек «пасует» перед ними и отказывается от них. Принимая во внимание всю глубину и серьезность данного вида конфликта, отметим, что он представляется масштабным в плане проявлений и последствий, довольно сложно поддается описанию и оказывается напрямую связанным с событиями, происходящими в социуме. Подобное явление описано В.Э. Чудновским при анализе утраты смысла жизни и ЦО частью наших пожилых соотечественников в 1990–е годы (Чудновский, 1995; 1998).

Подводя промежуточный итог, отметим, что конфликты между ЦО–ЦИ, ЦС–ЦИ и ЦО–ЦС могут быть разрешены конструктивно или деструктивно. Выбор того или иного пути разрешения зависит от субъектной позиции личности: ее рефлексивности, активности и авторства. Вместе с тем, описанные виды внутриличностного ценностного конфликта не исчерпывают всех его граней, оставляя за рамками исследо-

вания конфликты и противоречия, которые могут возникать внутри каждой «области» ЦО, ЦС и ЦИ.

Литература

1. *Анурин В.Ф.* Ценностные ориентации и их влияние на формирование потребностей // Социология высшей школы. Подготовка специалистов для народного хозяйства. Сб. науч. трудов. Горький, 1982. С. 116–129.
2. *Битыева А.В.* Особенности структурного строения ценностных ориентаций // Теорет. филос. журн. «Credo». 2000. №3 (21) [Электронный ресурс] <http://www.orenburg.ru/culture/credo/21/bitieva/html>.
3. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. – 311 с.
4. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопр. психол. 1997. №5. С. 3–19.
5. *Бубнова С.С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психол. журн. 1999. Т. 20. №5. С. 38–44.
6. *Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998 а – 336 с. (Библиотека психологии психотерапии).
7. *Делёз Ж.* Различие и повторение. М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.
8. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
9. *Кон И.С.* Открытие «Я» в психологии. М.: Политиздат, 1978. – 367 с.
10. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности (статья первая) // Вестн. Моск. ун-та. Психология. 1996. №4. С. 35–44.
11. *Леонтьев Д.А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психол. обозрение. 1998. №1. С. 13–25.
12. *Менегетти А.* Личность и система. М.: Изд-во Онтопсихология, 2003. – 328 с.
13. *Михеева И.Н.* Я-концепция и конфликт в сфере нравственной жизни личности // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2000. С. 232–251.
14. *Мэй Р.* Проблема тревоги. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 432 с.
15. *Николаева И.А.* Объективное измерение топологических характеристик ценностной сферы личности // Бехтерев В.М. и современная

- Внутриличностный ценностный конфликт как столкновение между ценностными ориентациями, ценностными стереотипами и ценностными идеалами
- психология: Матер. докладов на росс. науч–практич. конф. Казань, Казанский гос. ун–т, 29–30 сентября 2005 г. Вып. 3. Т.2 Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С.438–446.
16. *Николаева И.А.* Проблема измерения ценностного отношения // Ценности и оценки: проблемы философии и науки: сб. науч. ст. Смоленск: Универсум, 2006. С.79–86.
17. *Силяева Е.Г.* Этические противоречия процесса становления личностного смысла // Психологические философские и религиозные аспекты смысла жизни: Матер. III–V симп. М.: Ось–89, 2001. С. 137–145.
18. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб: Речь, 2000. – 286 с. (Мастерская психологии и психотерапии).
19. *Чудновский В.Э.* Проблема структуры смысла жизни как психологического феномена // Психологические философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III–V симп. М.: Ось–89, 2001 а. С. 156–163.
20. *Чудновский В.Э.* Смысл жизни и судьба человека // Обществ. науки и современность. 1998. № 1. С. 175–183.
21. *Чудновский В.Э.* Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от «внешнего» и «внутреннего» // Психол. журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 15–26.
22. *Шихи Г.* Возрастные кризисы: ступени личностного роста. СПб.: ООО «Каскад», 2005. – 436 с.
23. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.– 576 с.
24. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.
25. *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 1977. – 120 с.